

ЛИНГВИСТИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 392–401
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 392–401
© Автор(ы) 2017

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ДАТИВА В ВИЗАНТИЙСКОМ ГРЕЧЕСКОМ XI–XV вв. (НА МАТЕРИАЛЕ ВИЗАНТИЙСКИХ КАНОНИЧЕСКИХ ВОПРОСОТВЕТОВ)

А.В. Анашкин

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, Москва, Россия
miles-an@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности употребления датива в греческом языке византийского периода (XI–XV вв.) на материале византийских церковных канонико-правовых вопросов. Причина, по которой уделяется внимание этой грамматической категории имени, состоит в ее постепенном исчезновении в греческом языке, по общему представлению, именно в византийский период. В работе используется стилометрический метод количественного и качественного анализа, результаты которого позволяют проследить частоту употребления датива в исследуемых текстах и широту его функционирования. На основании полученных данных автор приходит к выводу, что датив является сравнительно живым элементом языка исследованных источников и дальнейшее изучение его использования в этих текстах может оказаться важным для понимания его последующей судьбы, а также при составлении описательной грамматики греческого языка византийского периода.

Ключевые слова: датив, морфология греческого языка поздневизантийского периода, канонические вопросы, эротапокризы, стилометрический метод количественного и качественного анализа

Анашкин Антон Владимирович – кандидат филологических наук, заместитель декана богословского факультета по научной работе ПСТГУ.

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать некоторые особенности употребления дательного падежа в памятниках византийской эротапокритической письменности и попытаться понять, как эти данные могут пролить свет на вопрос функционирования датива в греческом языке византийского периода.

Предметом научного рассмотрения стали девять памятников церковно-канонической вопросоответной письменности XI–XV вв.¹ Эти небольшие по объему произведения, в отличие от больших юридических сводов, отражали реалии своего времени, в них как бы оживают картины действительности, приходской жизни греческой деревни средне- и поздневизантийского периодов². Данные тексты представляют собой сборники различных ответов церковных иерархов по вопросам канонического права, литургии, духовных практик, браков и так далее. Жанровая природа канонических вопросоответов трудноуловима³: рассуждая о ней, необходимо выбрать точку отсчета – либо мы говорим о вопросоответных коллекциях на синхронном срезе (как о законченных произведениях с одним автором или – по крайней мере – редактором и заранее продуманной композицией), либо об их генезисе (превращении в коллекции заданных разными людьми – с разным уровнем образования и языкового чутья – по разным случаям и в разное время вопросов и данных на них в разное время ответов). Несомненно, перед нами жанровое превращение: акты живого общения, происходящего в форме дистанционного диалога, а точнее деловой переписки, застывают и кодифицируются как собрание прецедентов – по сути, справочник (об этом можно судить по рукописной традиции вопросоответных собраний)⁴.

¹ А именно: 1. Ответы Никиты Ираклийского: Ἐρωτήσεις ἀποσταλεῖσαι παρὰ Κωνσταντίνου ἐπισκόπου πρὸς τὸν μακαριώτατον μητροπολίτην Ἡρακλείας κύριον Νικήταν, καὶ ἀποκρίσεις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιερέως ὠφέλιμος (Павлов, А.С. (изд.) 1895: Канонические ответы Никиты, митрополита Ираклийского (XI–XII века) в их первоначальном виде и в позднейшей переработке Матфея Властаря (XIV в.); 2. Ответы Николая Грамматика (Бенешевич 1987, 101–111); 3. Ответы Петра Хартофилакса (Бенешевич 1909/VIII №); 4. Ответы Никифора Хартофилакса: Ἐρωτήσεις Μαζίμου μοναχοῦ πρὸς τὸν ἀγιώτατον κυρὸν Νικηφόρον καὶ γεγονότα χαρτοφύλακα τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας περὶ διαφορῶν κεφαλαίων (Бенешевич 1906, 519–521); 5. Ответы Илии Критского: Ὑπόμνησις γενομένη παρὰ τινος ἱερέως πρὸς τὸν ἱερώτατον μητροπολίτην Κρήτης κύρ Ἥλιαν περὶ τῆς προσκομιδῆς (Желтов, Бернацкий 2005, 23–53); 6. Ответы Луки Хризоверга: Ζητήματα, ἅπερ ἔλυσεν ὁ Πατριάρχης Λουκᾶς (Алмазов 1903, 19–49); 7. Ответы Никиты Солунского: Ἐρωτήσεις διαφορῶν νομίμων καὶ κανονικῶν ζητημάτων ἀνευχεῖσαι Νικήτα, τῷ ἀγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης, καὶ λύσεις αὐτῶν ἀπολυθεῖσαι παρ’ αὐτοῦ (Павлов 1895, 381–387); 8. Ответы Нила Родосского: Ἰωνᾶ Ἱερομονάχου ἐρωτήσεις περὶ τινῶν ἀναγκαιῶν καὶ ἀποκρίσεις κύρι Νείλου τοῦ ἀγιωτάτου Μητροπολίτου Ρόδου (Алмазов 1903, 51–84); 9. Ответы Иоасафа Эфесского: Ἰωάσαφ Ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις, ἃς ἠρώτησεν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερεῦσιν κύρ Γεώργιος ὁ Δραζίνος (Алмазов 1903, 14–42).

² Заметим, что отечественным исследователям принадлежит честь первой — и зачастую единственной — научной публикации большинства текстов этих вопросоответников. А. И. Алмазов, А. С. Павлов, В. Н. Бенешевич, верно оценившие значение этих памятников для истории права, вероятно, руководствовались не только чисто кабинетным интересом к давно отжившим реалиям. Отдельные вопросы, актуальные в конце XIX – начале XX в., могут иметь значение и для современной церковной жизни.

³ Вопрос жанровой принадлежности вопросоответной литературы в разное время поднимался разными исследователями. См.: Ermilov 2013, 110–125; Papadoyannakis 2006, 91–105; Dörrie, Dörties 1966, 343–344.

⁴ Анашкин 2015, 8–11.

За каждой вопросоответной парой скрывается акт живой эпистолярной коммуникации, который потом фиксируется, редактируется, унифицируется, встраивается в ряд ему подобных, т.е. генетически отдельные вопросоответные коллекции развиваются из действительной переписки между священнослужителями и архиереями, между епископом и патриархом и так далее⁵, и, таким образом, в своей основе речь идет не о литературной фикции, как кажется на первый взгляд. Следовательно, эти коллекции не литературный вымысел, как это может показаться на первый взгляд. Контент-анализ текстов позволяет заключить, что в своей основе данные тексты восходят к эпистолярному жанру, вернее, к особой его разновидности – жанру деловой переписки⁶. Поэтому они в определенной мере отражают особенности живого языка.

МЕТОДОЛОГИЯ

Причина, по которой мы сосредоточили внимание на такой именной категории, как датив, лежит в его неустойчивом положении в именной морфологии, постепенном выходе из употребления где-то в византийский период и передаче его функций через аккузатив и генитив⁷. Выявить частоту использования датива важно для определения и уяснения широты его функционирования в византийский период греческого языка.

Одним из методов, применяемых в данном исследовании, стал стилометрический метод количественного анализа, который позволяет провести статистический расчет абсолютного количества случаев употребления датива в текстах, выявить динамику его применения и сравнить полученные данные между нашими авторами. Такой подход имеет явное преимущество: он позволил нам обработать большой объем данных без излишних усилий. При этом очевидно, что примененный метод имеет и свои ограничения, поскольку существует определенная опасность того, что наши последующие объяснения результатов анализа могут показаться слишком упрощенными, так как при подобном подходе семантический и функциональный анализ осуществляется минимально.

Поэтому в исследовании применяется контент-анализ текстов, который позволил провести качественный анализ случаев употребления дательных форм для выявления их функционального спектра. Кроме того, вводится относительный показатель интенсивности (частотности) применения датива, позволяющий сопоставить некоторые его особенности в разные периоды и у разных авторов с учетом различия в объеме текстов.

⁵ Отвечающей стороной в этой переписке было некое компетентное лицо, которое не обязательно должно было быть клириком. Как видим, это мог быть и хартофилак, в обязанности которого, в том числе, входило разрешать канонические казусы.

⁶ Анашкин 2014, 57–69. Об обстоятельствах этой переписки см.: Anashkin 2016, 9–10; 2015, 8–9; 2013, 90, 92; 2017, 58.

⁷ О процессе исчезновения датива в греческом см.: Holton, Manolessou 2010, 546–547; Horrocks 2010, 284; Browning 1983, 82–83. О процессе развития греческого языка также см.: Mackridge 2009.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В области исторической морфологии на основании лингвистических данных, полученных при рассмотрении текстов из так называемой народной литературы, принято считать, что в Средние века в греческом языке дательный падеж исчез. Поэтому кажется, что сравнение поздневизантийских текстов в диахронии должно демонстрировать неуклончивую тенденцию к уменьшению его применения и сужению диапазона его функций⁸. Между тем, данные, полученные при исследовании наших памятников и представленные в таблице 1, свидетельствуют об обратном.

Таблица 1
ПОКАЗАТЕЛЬ СРЕДНЕГО ЧИСЛА ДАТИВА В ТЕКСТАХ

	Абсолютное количество форм в дативе	Среднее число форм в дативе на 100 слов
Никита Ираклийский (XI в.); 13 <i>вопр.-отв.</i> (1305 слов) ⁹	34	3
Николай Грамматик (XI в.); 19 <i>вопр.-отв.</i> (1348 слов)	59	4
Петр Хартофилак (XI в.); 21 <i>вопр.-отв.</i> (656 слов)	20	3
Никифор Хартофилак (XI в.) 5 <i>вопр.-отв.</i> (479 слов)	53	11
Илия Критский (XII в.) 7 <i>вопр.-отв.</i> (2721 слов)	69	3
Лука Хризверг (XII в.); 20 <i>вопр.-отв.</i> (1431 слов)	54	4
Никита Фессалоникий (XII в.); 17 <i>вопр.-отв.</i> (1627 слов)	52	3
Нил Родосский (XIV в.); 21 <i>вопр.-отв.</i> (1483 слов)	36	2
Иоасаф Эфесский (XV в.); 54 <i>вопр.-отв.</i> (3030 слов)	93	3

⁸ Holton, Manolessou 2010, 546.

⁹ В виду того, что показатель количества вопросов и ответов в текстах не является надежным для сравнения частотности употребления форм по причине различия объема каждого отдельного вопросоответного блока, мы ввели показатель количества слов для каждого памятника.

Данная таблица содержит показатели интенсивности употребления дательного падежа на 100 слов для каждого текста. Показатель частоты (зд. = среднее число) рассчитывается по формуле $[x_{dat}^- = (S_{dat} * 100) / S_{wf}]$, где x_{dat}^- – среднее число форм в дативе, S_{dat} – абсолютное число форм в дативе, S_{wf} – общее количество текстовых символов в этих памятниках. Результаты этого анализа позволяют нам, во-первых, проследить частотности употребления датива в текстах разных периодов и, во-вторых, определить, как эти данные соотносятся с тенденцией сохранения датива в литературных памятниках поздневизантийского периода на примере исследования произведений Феодора Метохита (*Личные заметки и наблюдения*) и Матфея Эфесского (*письма*), проведенного Штаффаном Вальгреном¹⁰.

Данные таблицы указывают на то, что среднее число форм в дативе в большинстве текстов колеблется от 3-х до 4-х на 100 слов. Меньше этого показателя датив используется только в тексте Нила Родосского (2/100); больше – в тексте Никифора Хартофилакса (11/100). Полученные показатели среднего числа оказались меньше аналогичных показателей в произведениях Феодора Метохита и Матфея Эдесского, где они достигают 9–10 форм в дативе на 100 слов¹¹. Однако следует заметить, что наши тексты (в отличие от упомянутых выше) не относятся к числу литературных памятников и поэтому в большей степени могут отражать действительное положение датива в греческом языке XI–XV вв. И хотя очевидно, что в наших текстах данная падежная форма не представлена широко, однако же для исследованного корпуса текстов ее присутствие – вполне естественная практика. Соотношение приблизительно таково: 1 форма в дативе на 25–35 слов. Штаффан Вальгрэн в своем исследовании приводит интересные данные по соотношению форм датива в текстах классических и византийских авторов. Так, он отмечает, что в Анабасисе Ксенофонта и Панегирике Исократ на одну форму датива приходится более 25 слов, а в византийских текстах примерно каждое десятое слово – форма датива¹².

Для представления более ясной картины функционирования этого падежа в данных текстах мы разделили все случаи с дативом по типу его употребления (табл. 2).

¹⁰ Wahlgren 2014, 171–174.

¹¹ Этот показатель был рассчитан по нашей формуле на основе данных исследования Вальгрена: Wahlgren 2014, 172–173.

¹² Wahlgren 2014, 171.

Таблица 2.
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛЯ) ДАТИВА

	Никита Иракий- ский	Николай Грамма- тик	Петр Хар- тофи- лак	Ники- фор Харто- филак	Илия Крит- ский	Лука Хризо- верг	Никита Фессало- никий- ский	Нил Родос- ский	Ио- асаф Эфес- ский
Adver- bialis (ἰδίᾳ, ἀληθείᾳ, διπλῶ)	2	2	1	0	0	2	2	0	1
Датив субъ- екта дей- ствия	0	1	1	0	0	2	1	0	1
Датив in- strumenti, causae, modi, socia- tivus etc. ¹³	3	4	0	4	2	7	13	7	5
Датив как предложное дополнение	11 ἐν: 6; ἐπί: 4; σύν: 1	38 ἐν: 32; ἐπί: 3; σύν: 1; παρά: 2	9 ἐν: 8; ἐπί: 1	28 ἐν: 24; ἐπί: 3; παρά: 1	46 ἐν: 38; ἐπί: 7; πρός: 1	22 ἐν: 21; πρός: 1	15 ἐν: 13; ἐπί: 2	10 ἐν: 9; σύν: 1	45 ἐν: 41; ἐπί: 4
Датив не- прямого объекта ¹⁴	16	11	6	18	20	20	21	5	33
Датив при- надлежно- сти	1	0	0	0	1	0	0	0	1
Локативный и темпо- ральный датив	0	3	3	3	0	1	0	13	6
С отглаго- прилага- тельными на -τέον	1	0	0	0	0	0	0	1	1
Общее чис- ло форм в дативе	34	59	20	53	69	54	52	36	93

Так, в исследуемых текстах, как видим, датив часто используется без синтаксической зависимости от предлога¹⁵ или глаголов с префиксами, соотносимыми

¹³ В этом же разделе мы учли (единичные для наших текстов) случаи датива каузального объекта при *verba affectum*: ὀργίζεσθαί τινι сердиться на кого-либо, из-за кого-либо.

¹⁴ Главным образом имеется в виду датив адресата действия, а также лица или предмета, которому предназначается действие или признак.

¹⁵ Отметим, что нами не зафиксировано ни одного случая соединения с дативом предлогов περί (около, с помощью, посредством, из-за) и ὑπό (под, в зависимости от, по причине, из-за). Очевидно, что для передачи указанными предлогами соответствующих значений использовались либо другие предлоги, либо другие падежи.

с теми предложениями, которые сочетаются с дативом. Например, в вопросоответах Луки Хризостомоса 12 случаев *Dativus modi, auctoris, instrumenti, temporis* (случаи датива как падежа косвенного дополнения не были учтены) на 54; в ответах патриарха Николая Грамматика 10 случаев на 59 общих; в ответах Никиты Солунского 16 случаев на 52; в эротапокризах Нила Родосского 21 случай из общего числа датива 36 — «чистый» датив. Итак, количественное соотношение беспредложного датива к общему числу форм колеблется между 17% (Николай Грамматик, XI в.) и 58% (Нил Родосский, XIV с.). Данное наблюдение позволяет нам сделать предварительный вывод о том, что в текстах наших авторов прослеживается тенденция сохранять датив и использовать его в самых разных значениях. То обстоятельство, что в исследуемых текстах частотность его появления в целом приближена к частотности его применения в текстах классических авторов, свидетельствует о том, что датив как таковой в данном случае не является стилистическим маркером авторов этих текстов, но является скорее языковой нормой памятников этого круга. Вместе с тем важно подчеркнуть, что приведенная здесь типологизация датива во многом является приблизительной, поскольку мы могли не учесть семантические особенности каких-либо форм беспредложного, или чистого, датива.

Впрочем, необходимо указать и на отклонения в употреблении датива, которые, хоть и редко, и тем не менее обнаруживаются в наших текстах. Так, иногда встречается употребление предлога с винительным падежом там, где можно было бы обойтись без этого нагромождения, используя дательный падеж (полагаем, что это явление можно рассматривать как пример замещения дательного падежа конструкцией *предлог + Acc.*, которая закрепилась в современной практике новогреческого языка¹⁶). Например:

1. οὗτος δε μικρόν τι ἠγούμενεύσας, εἶτα τὴν οἰκείαν ἀσθένειαν ἐπιγνούς, παρητήσατο ταύτην **πρὸς ἕτερον** (Вопрос 19. Ответы Николая III Грамматика).

А он, пробыв немного игуменом и затем познав собственную немощь, попросил [передать] ее (власть – *А.А.*) другому.

2. Τὸ αὐτὸ ἔφη καὶ **εἰς τοὺς ποιοῦντας** μετὰ κλάσματος ἄρτου τὸν ἀμνόν, ἤγουν κρατίζον¹⁷ τὴν σφραγίδα μετὰ ὀλίγον ἄρτον, διὰ τὴν σπάνην τῶν ἀνθρώπων τοῦ ἐσθίειν. (Ответ 21. Ответы Нила Родосского).

То же самое он (Нил – *А. А.*) сказал совершающим агнца из обрезка хлеба, то есть когда кладут печать на небольшую часть хлеба, из-за отсутствия людей для употребления *целого*.

Это наблюдение, на наш взгляд, указывает на уже существовавшую склонность к упрощению типов склонения и к выражению падежных форм для обозначения отношений между предметами через посредство использования предлогов и, как кажется, позволяет говорить о тенденции к полной замене датива во всех

¹⁶ Так, в новогреческом языке для выражения косвенного дополнения используется либо родительный падеж – у безударных форм личных местоимений, либо предложная конструкция с винительным – у существительных и ударных форм местоимений.

¹⁷ *κρατίζον*, вероятно, нужно рассматривать как форму зарождающегося новогреческого неизменяемого деепричастия (а не неаугментированного имперфекта), которое сейчас бы выглядело как *κρατώντας*.

его функциях и, прежде всего, в основной – как падежа косвенного дополнения.¹⁸ Все это свидетельствует об общей тенденции к исчезновению дательного падежа.

Интересным также кажется случай предложно-падежного сочетания *предлог ἐν + датив* вместо *dativus possessivus* в 14 вопросеответе Иоасафа Эфесского:

Τὸ περὶ τοῦτο δὲ οὕτω γίνεται ἐν ἡμῖν ...

Относительно же этого так бывает у нас...

На фоне изложенного выше данный пример, где употребление предлога *ἐν* излишне, представляется вовсе не случайным: подобная вставка предлога является, вероятно, свидетельством того, что дательный падеж в наших текстах иногда уже не воспринимается как падеж непрямого дополнения.

В целом же, падежная система исследуемых текстов полностью соответствует древнегреческой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение функционирования датива в памятниках поздневизантийской церковно-канонической эротапокритической литературы может помочь проследить его судьбу в так называемом народном греческом языке поздневизантийского периода. Главное наблюдение настоящего исследования таково, что при прослеживаемой тенденции к исчезновению дательный в наших текстах жив и является в известном смысле продуктивной моделью именной морфологии, а значит, при составлении описательной грамматики греческого языка византийского периода данные тексты должны быть обязательно учтены. Обращение к византийским каноническим вопросеответам необходимо, поскольку может дать представление о бытовании языка в рамках определенной традиции или даже среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Анашкин, А.В. 2013: Канонические «Ответы» патриарха Константинопольского Николая III Грамматика (1084–1111): содержание, источники, история текста. *Вестник ПСТГУ: Филология* 2 (32), 87–113.
- Анашкин, А.В. 2014: Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода. *Вестник ПСТГУ: Филология* 4 (39), 57–69.
- Анашкин, А.В. 2015: *Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопросоответов XI–XV вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук.* М.
- Анашкин, А.В. 2017: Эпистолярные «следы» в византийских церковных канонико-правовых эротапокризах XII в. (на материале канонических ответов митрополита никиты ираклийского). *Вестник Костромского государственного университета* 2 (23), 56–59.
- Кисилиер, М.Л. 2011: *Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха.* СПб.
- Anashkin, A. 2016: Towards a genesis of Byzantine church canonical erotapokriseis by Niketas metropolitan of Herakleia (XI c.): epistolary trace. In: S. Marjanović-Dušanić (ed.), *Abstracts of the 23rd International Congress of Byzantine Studies (University of Belgrade,*

¹⁸ Тенденция эта прослеживается, как минимум, начиная с VII века – Луг Духовный Иоанна Мосха: Кисилиер 2011, 50–55.

- 22–27 August 2016. *Thematic Session of Free Communications: Byzantine literature in the 11th century*). Belgrade, 9–10.
- Browning, R. 1983: *Medieval and Modern Greek*. Cambridge.
- Dörrie, H., Dörries, H. 1966: Erotapokriseis. *Reallexikon für Antike und Christentum* 6, 343–344.
- Ermilov, P. 2013: Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature. In: A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio (eds.), *Theologica Minora. The Minor Genres of Byzantine Theological Literature (SBHC 8)*. Turnhout, 110–125.
- Holton, D., Manolessou, I., 2010: Medieval and Early Modern Greek. In: E. G. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Chichester, 539–563.
- Horrocks, G.C. 2010: *Greek: A History of the Language and its Speakers*. Chichester.
- Mackridge, P.H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766 – 1976*. Oxford.
- Papadoyannakis, Y. 2006: Instruction by Question and Answer: The Case of Late Antique and Byzantine Erotapokriseis. In: S. F. Johnson (ed.), *Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism*. Hampshire, 91–105.
- Wahlgren, S. 2014: Case, Style and Competence in Byzantine Greek. In: M. Hinterberger (ed.), *The Language of Byzantine Learned Literature (SBHC 9)*. Turnhout, 170–175.

REFERENCES

- Anashkin, A.V. 2013: Kanonicheskie “Otvety” patriarkha Konstantinopol’skogo Nikolaya III Grammatika (1084–1111): sodержanie, istochniki, istoriya teksta [Canonical “Replies” by the Patriarch of Constantinople Nicholas III Grammatikos (1084–1111): content, sources, history of the text]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology] 2 (32), 87–113.
- Anashkin, A.V. 2014: Problemy zhanra voprosotvetnoy literatury v kontekste tserkovno-kanonicheskoy pis’mennosti pozdnevizantiyskogo perioda [Genre Problems of Question-and-Answer Literature in Context of Late Byzantine Canonical Writing]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology] 4 (39), 57–69.
- Anashkin, A.V. 2015: *Zhanrovye i yazykovye osobennosti vizantiiskikh kanonicheskikh voprosotvetov XI–XV vv.: avtoreferat dissertatsii* [Genre and Linguistic Features of Byzantine Church Canonical Questions and Replies of the 11th–15th centuries: Abstract of a Candidate’s Thesis]. Moscow.
- Anashkin, A.V. 2017: Epistolarynye «sledy» v vizantiyskikh tserkovnykh kanoniko-pravovykh erotapokrizakh XII v. (na materiale kanonicheskikh otvetov mitropolita Nikity Irakliyskogo) [Epistolary Trace in Byzantine Church Canonical Erotapokriseis of the 12th century (on the material of canonical erotapokriseis by Nicetas metropolitan of Heraclea)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University] 2 (23), 56–59.
- Anashkin, A. 2016: Towards a genesis of Byzantine church canonical erotapokriseis by Niketas metropolitan of Herakleia (XI c.): epistolary trace. In: S. Marjanović-Dušanić (ed.), *Abstracts of the 23rd International Congress of Byzantine Studies (University of Belgrade, 22–27 August 2016. Thematic Session of Free Communications: Byzantine literature in the 11th century)*. Belgrade, 9–10.
- Browning, R. 1983: *Medieval and Modern Greek*. Cambridge.
- Dörrie, H., Dörries, H. 1966: Erotapokriseis. *Reallexikon für Antike und Christentum* 6, 343–344.
- Ermilov, P. 2013: Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature. In: A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio (eds.), *Theologica Minora. The Minor Genres of Byzantine Theological Literature (SBHC 8)*. Turnhout, 110–125.

- Holton, D., Manolessou, I. 2010: Medieval and Early Modern Greek. In: E. G. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Chichester, 539–563.
- Horrocks, G.C. 2010: *Greek: A History of the Language and its Speakers*. Chichester.
- Kisilier, M.L. 2011. *Mestoimennye klitiki v «Luge Duhovnom» Ioanna Moskha [Pronominal Clitics in the «Spiritual Meadow» by John Moschus]*. Saint Petersburg.
- Mackridge, P.H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766 – 1976*. Oxford.
- Papadoyannakis, Y. 2006: Instruction by Question and Answer: The Case of Late Antique and Byzantine Erotapokriseis. In: S. F. Johnson (ed.), *Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism*. Hampshire, 91–105.
- Wahlgren, S. 2014: Case, Style and Competence in Byzantine Greek. In: M. Hinterberger (ed.), *The Language of Byzantine Learned Literature (SBHC 9)*. Turnhout, 170–175.

ON USE OF THE DATIVE CASE IN BYZANTINE GREEK 11th – 15th
CENTURIES (ACCORDING TO LATE BYZANTINE CANONICAL
QUESTION-AND-ANSWERS (EROTAPOKRISEIS))

Anton V. Anashkin

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia
miles-an@rambler.ru

Abstract. The paper examines a little-studied topic in the Byzantine philology. It deals with some features in the use of the dative case in Late Byzantine canonical question-and-answers (ἐρωταποκρίσεις). The reason why we will focus on the grammatical category is its gradual decrease in the Greek during the Byzantine period according to commonly accepted view. In the investigation stylometric methods of quantitative and qualitative analysis are used. Its results make it possible to retrace frequency of use of the dative in the texts and its functional field. Basing upon the analysis the author comes to conclusion that the dative is rather alive and productive element of the language of these texts. Further investigation of its use in the texts can turn to advantage for understanding of its fate and is very important for making up a comprehensive Byzantine grammatical manual.

Keywords: dative case in Byzantine Greek, morphology of the Late Byzantine Greek, canonical question-and-answers, stylometric methods of quantitative analysis

---
